

Память о войне Трудно всегда со мной.

От автора ЛВ

ГОД ПРИЗЫВА -

1939

КРУГОЗОР

65 лет назад 4-я сессия Верховного Совета 1-го созыва приняла Закон о всеобщей воинской обязанности, согласно которому призыву на действительную военную службу подлежали мужчины, достигшие 18-летнего возраста, получившие полное среднее образование, а также лица, имеющие полное среднее или среднее специальное образование и пользовавшиеся отсрочками от призыва в ряды Красной армии. Студенты высших учебных заведений освобождались от призыва впредь до их окончания. Однако жизнь внесла в этот пункт свои коррективы...

О событиях тех уже давних лет вспоминает призывник 1939 года, майор в отставке Игорь Александрович РЕФОРМАТСКИЙ.

В конце июня 1939 г. в школах страны состоялся очередной выпуск 10-х классов. Страна получала новый отряд хорошо подготовленных, воспитанных «в духе преданности партии и правительству» молодых людей, как тогда было принято говорить, которым предстояло пополнить ряды сталеваров и хлеборобов, машиностроителей и животноводов. Многие мечтали поступить в высшие учебные заведения и техникумы. Весной в школы приходили перетянутые новенькими, пахнущими кожей ремнями бравые лейтенанты и майоры, рассказывали о почетной и увлекательной службе в Красной армии, предлагали поступать в военные училища. Особой популярностью в то время пользовались летчики и танкисты, и в учебные заведения, готовившие командиров для этих родов войск, поступали многие вчерашние школьники.

Мальчишки, которым в 1939 г. исполнилось 18 лет, росли и мужали вместе со страной: их детскими героями были легендарные красные командиры Гражданской войны - Буденный, Ворошилов, Щорс, Чапаев. ДнепроГЭС, Магнитка, Сталинградский тракторный завод, Турксиб - стройки первых пятилеток были для них трудовыми примерами. Гражданская война в Испании привлекала к себе внимание не только неп-

ривычными звучными географическими названиями - Гвадалахара, Эстремадура, Гренада, но, главное, борьбой интернациональных бригад, сражавшихся на стороне республиканцев за правое дело. И вот эти мальчишки, только что получившие новенькие аттестаты о завершении полного среднего образования, решали сейчас вопрос о том, какой жизненный путь выбрать? Работать, учиться в вузе, идти в армию? Пока мы еще решали, какой сделать выбор, руководство страны готовилось всерьез заняться реформированием Красной армии, главной задачей которой было качественное повышение грамотности и культурного уровня молодых командиров и всего личного состава советских Вооруженных Сил.

События во всем мире, в том числе и в нашей стране, развивались со стремительной быстротой. 23 августа 1939 г. в Москве был подписан Договор о ненападении между Германией и Советским Со-

Красноармеец Игорь Реформатский с отцом профессором А.А. Реформатским. Рязань, декабрь 1939 г.

юзом с дополнительным секретным протоколом относительно разграничения сфер обоюдных интересов в Восточной Европе.

17 сентября после нападения фашистской Германии на Польшу советское правительство приняло решение взять под защиту население западных областей Белоруссии и Украины, которые по желанию трудящихся этих областей были приняты позже в состав Советского Союза.

Мы, «первокурсники-39», с большим воодушевлением и интересом слушали лекции известных профессоров, посещали семинары, выполняли лабораторные работы. Казалось бы, раз мы были зачислены студентами, отсрочка от службы в армии должна была коснуться и нас. Но на наше образование государством было затрачено еще слишком мало средств, а нас было достаточно много, поэтому наша служба в рядах Красной армии уже сейчас, в 1939 г., была более целесообразной, нежели подготовка будущих инженеров, врачей, учителей, которые приступят к работе только через пять лет.

В сентябре 1939-го начался очередной призыв новобранцев, а уже в начале октября мы, студенты-первокурсники Ленинградского государственного университета (мне, коренному москвичу, по семейным обстоятельствам довелось окончить среднюю школу в Ленинграде и там же поступить на химический факультет ЛГУ), получили повестки с предписанием явиться для прохождения призывной комиссии. Вместе со мной такие же повестки получили мои однокурсники Валентин Байков, Абрам Беленький и другие. Студенты с воодушевлением восприняли известие о призыве в армию.

У меня сохранилась запись моего выступления на митинге, проходившем на факультете 16 сентября 1939 г.:

«Мы, студенты 1 курса, в ближайшие дни пойдем на призывные пункты. Пройдет еще немного времени, и мы будем приведены к присяге на верность нашему народу, нашей Родине.

Хотя нам и жалко покидать сейчас стены университета, который только что столь радушно принял нас, но мы сознаем всю ответственность и серьез-

ность поставленной перед нами задачи и спокойно и уверенно пойдем в ряды Красной армии.

Мы, группа студентов-химиков, подаем сейчас заявление в призывную комиссию с просьбой о зачислении нас в одну часть... Через три года мы вернемся в эти стены, вернемся зрелыми людьми, овладевшими современной военной техникой, и отдадим все свои силы, всю свою энергию овладению высотами нашей передовой социалистической науки».

31 октября 1939 г. почта принесла мне и моим товарищам - студентам ЛГУ - открытку, на которой был отштампован адрес отправителя: «Василеостровский районный военный комиссариат, г. Ленинград, В.О., Линия № ...»

Судьба наша отныне была решена. Вчерашние школьники, сегодняшние студенты завтра уже становились военнослужащими - красноармейцами или краснофлотцами. Где нам было суждено служить, мы не знали.

В военкомате сообщили, что нам надлежит вечером 2 ноября прибыть в клуб имени Яковлева, где был организован сборный пункт, имея при себе ложку, кружку, смену белья, чтобы ночью пройти санобработку, то бишь помыться в бане, а утром 3 ноября уехать к месту предстоящей службы. Нас построили в большом клубном фойе, где перед будущими солдатами, бритоголовыми, встревоженными резким изломом привычной домашней жизни, выступил некий майор из военкомата с напутственной речью.

Ночь и утро прошли без сна. Новобранцы, сведенные в 676-ю команду, присматривались друг к другу. Среди них были Валентин Байков, Абрам Беленький, Владимир Груздев, Кирилл Тавастшерна и другие.

Ленинград провожал молодых ребят, которым предстояло в ближайшие дни надеть военную форму и стать в строй бойцов Рабоче-Крестьянской Красной армии, морозящим дождем.

На товарном перроне вокзала, украшенном флагами, стоял длинный воинский эшелон. На ветру развевались ленты бескозырок у часовых. Гремели флотские оркестры.

Красноармеец
Виктор ФУРАЕВ
(1921 - 1999)

Красноармеец
Валентин БАЙКОВ
(1921 - 1998)

Красноармеец
Владимир ГРУЗДЕВ
(1920 - 1998)

Красноармеец
Кирилл
ТАВАСТШЕРНА
(1921 - 1982)

В помощь лейтенанту, который должен был доставить нас к месту назначения, был назначен в качестве старосты команды № 676 Валентин Байков, активный общественник, член школьного комитета комсомола, успевший стать кандидатом в члены ВКП(б).

Наконец раздался протяжный гудок паровоза. Мокрый от пронизывающего осеннего дождика перрон стал медленно уходить назад, унося с собой дорогие лица родных и близких. Из широко распахнутых дверей неслась комсомольская песня:

Дан приказ:

Ему - на Запад,

Ей - в другую сторону:

Уходили комсомольцы

На Гражданскую войну...

Отныне только что простившиеся с родными молодые ребята принадлежали государству. Воинская служба начала отсчитывать свой срок.

Кем были мы тогда? Насколько представляли себе самостоятельную жизнь, полную вопросов и загадок? Да, мы неплохо умели извлекать квадратный корень, читали наизусть длинные отрывки из «Евгения Онегина» и «Полтавы», могли попасть в «яблочко» из мелкокалиберной винтовки и бегали стометровку за 13 секунд. Мы были «заряжены» героикой Чкалова и Стаханова, челюскинцев и испанских республиканцев. Но много ли мы умели делать сами? Юношеского энтузиазма, комсомольского задора в нас присутствовало достаточно, но надо было, чтобы наша энергия нашла правильный выход, нужное русло.

После дневной остановки в Москве поздним вечером нас посадили в пассажирский поезд, отправившийся с Казанского вокзала до Рязани.

Рязанский Октябрьский военный городок, расположенный в Дашках, считавшихся в то время еще пригородом, встретил новобранцев жаркой баней, тяжелыми прямоугольниками красных казарм, еще николаевской постройки, ровными рядами солдатских коек, строгим распорядком армейских будней. Трудно было привыкнуть к дисциплине, незбылемым уставным требованиям, которые надо было заучивать наизусть. Огненные молодые бойцы из команды № 676 стали красноармейцами 1-го взвода 2-й роты 1-го батальона 8-го Отдельного автотранспортного полка Московского военного округа.

В трудное для Родины и ее армии время началась наша военная жизнь. Могли ли мы тогда себе представить, что именно солдатам нашего поколения предстояло первыми встретить 22 июня 1941 г., оказать сопротивление вероломному нападению гитлеровской Германии.

Встреча друзей, 1970 г.

Слева направо: И. РЕФОРМАТСКИЙ (радиохимик, академик МАНЭБ), В. ФУРАЕВ (доктор исторических наук, член-корреспондент Академии образования РФ), В. БАЙКОВ (начальник лаборатории НИИ), В. ГРУЗДЕВ (научный редактор педагогической литературы), К. ТАВАСТШЕРНА (доктор физико-математических наук, директор Пулковской обсерватории)

Вспоминаю своих товарищей по службе.

Обстоятельно постигал солдатскую науку Виктор Фураев, будущий доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии образования. Он настойчиво изучал устройство карбюратора и трамблера, конструкцию тормозной системы автомобиля, а в свободное время работал в полковой библиотеке, помогал политруку проводить политинформации и политбеседы.

Готовый к шутке, будущий математик Кирилл Тавастшерна порой искренне удивлялся, почему следовало, вскочив по тревоге, ставить в строй ровно через полторы минуты, а не через 80 или 100 секунд.

Владимир Груздев, тоже студент-математик, солдатскую науку схватывал быстро, а к автомобилю даже питал, можно сказать, большую любовь.

Женя Маймин - человек добрейшей души, был готов помогать всем и каждому по первому зову. Он был отличный товарищ.

Нелегко давались нам первые недели и месяцы армейской службы. В 6 утра подъем, потом физзарядка, заправка коек «по веревочке» под придирчивым контролем старшины роты Кубанчикова, затем марш в столовую на завтрак под команду помкомвзвода.

Первым нарядом, куда нас послали, была полковая кухня. Нам, четверым бойцам-первогодкам, приказали к утру перечистить большое количество картошки, половина из которой была гнилой. В мороз, на холодном ветру нас посылали протирать и смазывать грузовые машины, стоявшие под открытым небом в парке консервации. Среди ночи нас поднимали по тревоге, добиваясь, чтобы мы за полторы минуты становились в строй, успев при этом не только надеть положенное обмундирование и взять из пирамиды свою - не дай Бог, чужую! - вин-

товку, но и - самое главное!! - намотать на каждую нугу обмотки.

Однако при всей строгости требований, предъявляемых нам нашими «отцами-командирами», никакой «дедовщины», даже понятия такого в наше время не существовало. Напротив, со временем, когда мы стали обретать воинский вид, несколько огрубели, отношение к нам стало меняться.

Старослужащие - сержанты, обучавшие нас в качестве инструкторов практическому вождению или табельному обслуживанию автомашин, чувствуя нашу сообразительность и интерес к технике, относились к нам снисходительно, с некоторой долей иронии - студенты! - но ни о каком унижении или помыканиях нами и мысли не было. Меня, например, водители, автослесари или электрики уважительно называли Лексаных, что я, естественно, ценил. С некоторыми из этих сержантов мне довелось прослужить вместе долгие военные годы и, хотя я впоследствии стал офицером-журналистом, а не шофером и после демобилизации окончил университет, занимался научной работой, читал лекции студентам, сохранил с ними дружеские отношения.

1 декабря 1939 г. нас привели к присяге, и мы стали настоящими красноармейцами. Постепенно мы познавали, что такое войсковое товарищество. Я, Байков, Беленький, Груздев и Тавастшерна оказались не только в одном взводе, но и в одном отделении. Мы исправно изучали винтовку образца 1891/30 г., ходили в караул («Часовой является вооруженным бойцом Красной армии, выполняющим боевую задачу по охране и обороне порученного ему объекта...» - до сих пор эти слова сохраняют моя память), драили до зеркального блеска на морозе машины. Бывало старшина с особым шиком вынимал из кармана белоснежный носовой платок и проводил им по вычищенной до, как нам казалось, сверкания поверхности двигателя или, что хуже, трансмиссии. И - не дай Бог! - если на платке появлялось черное пятно: тут уж взыскания было не избежать. Зато, если платок оставался чистым - небольшое светлое масляное пятно было не в счет - получали заслуженную благодарность.

Мы не порывали связи со своим университетом, надеялись, что после окончания службы вернемся туда. В сохранившейся у меня газете «Ленинградский университет» от 8 января 1940 г. № 1 была опубликована наша заметка. «Всего два месяца пробыли мы в стенах Ленинградского университета, - писали мы там, - но за это короткое время успели полюбить его. С одинаковой настойчивостью изучали мы математику и историю, химию и географию, геологию и физику. Но Родине потребовалось, чтобы мы стали в ряды ее вооруженных защитников, в ряды Рабоче-Крестьянской Красной армии, чтобы выполнить свой гражданский долг... Мы сменили перо на винтовку, изучение химии, истории, языка и литературы - на освоение мощной военной техники. И эту технику мы изучаем не менее упорно.

Помня, что мы являемся посланниками Ленинградского университета в рядах РККА, мы высоко будем держать это звание...

Красноармейцы - бывшие студенты ЛГУ: Казаков (г-п. ф-т), Колдуненков (филфак), Куксенков (гео-

фак), Рубанович, Тавастшерна, Груздев (матмех), Фураев, Аввакумов, Маймин (истфак), Реформатский, Байков, Беленький (химфак), Ширяев (физфак)».

Боевая служба в армии неизбежно связана и с горькими потерями. Пришлось с этим столкнуться и нам: в январе 1940 г. несколько бойцов из нашего полка, отличников боевой и политической подготовки, были направлены на Ленинградский фронт, сражавшийся в те дни с финнами. В числе отправленных был и наш товарищ комсомолец А. Беленький. Как ни страшно об этом вспоминать, он погиб. Сообщение о гибели Абрама в бою потрясло нас. Оно было первым приобщением нас к суровой реальности.

Утро 22 июня 1941 г. мы встречали уже не вместе. Весной и летом 1940 г. из состава полка стали формироваться отдельные батальоны, с которыми уезжали бойцы из родной части. Володя Аввакумов в день, когда началась война, прибыл в Москву для поступления в 1-е Московское Краснознаменное артиллерийское училище, начавшее готовить командиров для нового рода войск - гвардейских минометов, то есть реактивной артиллерии, получившей ласковое название «катюш». Женя Маймин командовал орудийным расчетом в 54-й танковой дивизии, находившейся в гор. Ленинкане. В московских Кузьминках оказался в этот день водитель грузовой машины отдельной автороты МВО рядовой Кирилл Тавастшерна. Автор этих строк младший сержант Игорь Реформатский - помощник командира взвода ПВО и командир расчета счетверенной зенитно-пулеметной установки 27-го отдельного ремонтно-восстановительного батальона 84-й моторизованной дивизии, располагавшейся в Новой Вилейке, пригороде литовской столицы Вильнюса, в 13.35 открыл огонь по немецким бомбардировщикам Ю-87, совершившим налет на расположение части.

Когда много лет спустя, встретившись вместе, мы попробовали проследить наш путь за четыре долгих военных года, выяснилось, что многим из нас пришлось шагать близкими фронтовыми дорогами. Служить одно время вместе с нами довелось только Владимиру Аввакумову, оказавшемуся командиром взвода в автороте 13-го отдельного учебного полка гвардейских минометных частей, где командиром был Валентин Байков.

С Кирой Тавастшерна и с Володией Груздевым нам пришлось воевать в Бессарабии, а затем пройти через Румынию и Венгрию. Гвардии старшина К. Тавастшерна помимо водительских прав получил специальность радиста 1-го класса, служил начальником радиоузла в 15-й гвардейской авиационной 4-го гвардейского корпуса авиации дальнего действия, участвовал в шести боевых вылетах по оказанию помощи югославским партизанам. Возвратившись после победы домой, Кирилл окончил университет, стал доктором физико-математических наук, одним из ведущих астрономов и в течение ряда лет руководил знаменитой Пулковской обсерваторией, наблюдал звездное небо в 25 странах в Европе, Азии, Северной и Южной Америке, Африке и Австралии. В 1982 г. К.Н. Тавастшерна трагически погиб в автомобильной катастрофе.

Лейтенант Виктор Фураев во время войны командовал авторотой в учебном полку, а, демобилизовавшись, вернулся на исторический факультет, окончив который, избрал своей главной темой исследований советско-американские отношения. За долгие годы своей работы в высшей школе профессор В.К. Фураев подготовил свыше 40 кандидатов исторических наук и 5 докторов, работающих в 20 городах России, от Санкт-Петербурга до Петропавловска-Камчатского, а также в ряде зарубежных стран.

Военная судьба красноармейца Маймина складывалась непросто. Ему пришлось быть и командиром 45-мм противотанкового орудия, и полковым разведчиком, морским пехотинцем и санинструктором. Четыре раза он был ранен. После последнего тяжелого ранения, полученного в августе под Мариамполем, и длительного лечения в госпиталях Евгения демобилизовали по инвалидности.

В красноармейской газете Южного фронта «Красный кавалерист на фронте» от 22 декабря 1941 г. мне удалось разыскать фотографию храброго воина в каске, с биноклем на груди, за спиной которого виднеется зенитное орудие. Под снимком подпись: «Командир орудия комсомолец - сержант Е. Маймин вел непрерывный бой с пикирующими самолетами врага под непрерывным огнем артиллерии и автоматов. Под ураганным огнем он заменил санитаря и спас жизнь восьми бойцам. Командир оказал им медицинскую помощь и вынес их с поля боя».

А дальше - возвращение в Ленинградский университет, только не на исторический, а на филологический факультет. Работал сперва в средней школе, защитил кандидатскую, а потом и докторскую диссертации и на протяжении более четырех десятилетий жизнь его была связана с Псковским педагогическим институтом: руководство кафедрой, студенты, аспиранты, многолетняя дружба с директором Пушкинского заповедника в Михайловском С.С. Гейченко, публикация книг и исследований о любимых поэтах начала XIX века, новеллы о фронтовых товарищах. Но фронтовые ранения напомнили о себе, и в начале 1997 г. доктор филологических наук профессор Маймин скончался, оставив о себе светлую память.

Бывший студент-химик Валентин Байков, вернувшись домой, стал инженером-электронщиком. Он создал ряд опытных станций - и в Заполярье, под Мурманском, и в субтропиках Закавказья и даже на острове Хайнань в Южно-Китайском море, где испытывались в различных климатических условиях электронные приборы.

Прибыв 22 июня 1941 г. в Московское артиллерийское училище, Владимир Аввакумов, будучи курсантом, участвовал в обороне Москвы под Волоколамском, а, окончив его и став техником-лейтенантом, командовал автовзводом, а затем в течение почти двух лет занимался перегонкой техники, поступающей к нам по ленд-лизу через Иран.

Его послевоенная судьба складывалась трудно. Решив получить высшее военно-политическое образование, он поступил в Военно-педагогический институт, однако незадолго до его окончания Владимир был отчислен не только из института, но и из кадров Вооруженных Сил в связи с тем, что его

отец, ученый-историк, партийный работник, был репрессирован по так называемому «ленинградскому делу». Володя был выслан в Северный Казахстан и только в 1955 г., после реабилитации отца, был восстановлен в армии и получил возможность окончить Военно-педагогический институт.

Получив высшее военно-политическое образование, Аввакумов служил в войсках, а потом был переведен в качестве преподавателя в Военную академию имени Можайского. После увольнения по возрасту подполковник В.С. Аввакумов до своей кончины работал на кафедре философии Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта.

Владимир Груздев в войну оказался в танковых частях и в звании гвардии старшего лейтенанта служил помощником начальника штаба полка. Прошел по дорогам Украины, Молдавии, пересек Балканы, участвовал в освобождении Будапешта и Вены. Демобилизовавшись, он окончил педагогический институт и стал работать редактором педагогической литературы.

Судьба автора этих строк сложилась довольно своеобразно. После того как 84-я моторизованная дивизия, потеряв всю технику, но сохранив Боевое Знамя, вышла из всех окружений в район Валдая, ее преобразовали снова в стрелковую. При этом потребовалось заново сформировать редакцию дивизионной газеты, так как ее состав не вышел вместе с частями и подразделениями дивизии. Формируя новую редакцию, политотдел решил включить в нее и младшего сержанта Игоря Реформатского, ибо его знали как грамотного, общительного младшего командира, способного писать заметки. Таким образом я оказался военным корреспондентом, фронтовым журналистом, был секретарем редакции нашей дивизионки «Красный воин», а после расформирования дивизии в августе 1945 г. был переведен в армейскую газету 57-й армии «Звезда Советов», откуда и демобилизовался летом 1946 г. После окончания химического факультета уже Московского университета мне посчастливилось попасть на работу в Курчатовский институт. Потом я долгое время преподавал в Московском инженерно-физическом институте. Уйдя на пенсию, вернулся к профессии журналиста.

В далеком 1939 г. в старых николаевских казармах Рязанского военного городка зародилась наша армейская дружба. Она продолжала существовать, несмотря на различия наших профессиональных интересов, на неизбежную географическую разобщенность: в Ленинграде - Санкт-Петербурге остались Аввакумов, Байков, Таващерна и Фураев; Груздев и Реформатский - в Москве, а Маймин - в Пскове. Мы продолжали встречаться после войны, вместе отмечали круглые юбилеи начала нашей армейской службы, собирались то в Москве, то в Ленинграде, поздравляя друг друга с праздничными датами. И каждый раз первый тост традиционно провозглашался «за Рязань!». Этот город для нас стал символом верности нашему боевому братству, сложившемуся в дни красноармейской юности.

К сожалению, 65-летие начала военной службы мне отмечать уже не с кем.